

А. П. Чеховъ въ обыденной жизни.

(Отъ нашего Петербургскаго корреспондента).

На Пасхѣ этого года мнѣ пришлось быть по дѣлу у А. И. Куприна въ Гатчинѣ.

Тамъ меня познакомили съ гостившей у Александра Ивановича дамой—владѣлицей дома въ Ялтѣ, въ которомъ жилъ А. П. Чеховъ.

О томъ, что она была знакома съ Антономъ Павловичемъ я узналъ чуть ли не со второго слова.

Эта дама вообще знаетъ чуть ли не весь литературный міръ.

Не было, кажется, ни одного выдающагося писателя, который гостилъ бы въ Ялтѣ и не былъ бы съ нею знакомъ.

И она многое могла бы рассказать о писателяхъ въ ихъ обыденной жизни.

Но говорить она больше объ Антонѣ Павловичѣ.

Когда она говоритъ объ Антонѣ Павловичѣ, забываешь, что онъ уже давно умеръ.

Живой онъ встаетъ передъ вашими глазами.

— Поражала въ Антонѣ Павловичѣ его необычайная скромность. Въ большомъ обществѣ онъ всегда себя скверно чувствовалъ. Однажды я его пригласила къ своимъ знакомымъ въ гости. Антонъ Павловичъ охотно согласился. Вечеромъ мы вмѣстѣ туда и отправились. Только мы вошли въ прихожую, какъ Антонъ Павловичъ сразу сталъ пятиться къ выходу.

— Не пойду.

— Почему?

— Извинитесь, пожалуйста, за меня, придумайте, что хотите, но увольте.

Я была озадачена и не знала, чему приписать поведение Антона Павловича. Онъ знаетъ такъ, къ кому я его пригласила. Онъ охотно согласился пойти туда, и вдругъ такая рѣзкая перемена.

Я стала допытываться о причинѣ такой перемены.

Антонъ Павловичъ только указалъ рукой на вѣшалку, которую отягчали по крайней мѣрѣ пара десятковъ верхнихъ платьевъ:

— Смотрите.

Я не сразу поняла, почему эти пальто могутъ послужить причиной къ тому, чтобы переменить рѣшеніе посѣтить гостеприимныхъ знакомыхъ.

— Да вѣдь тамъ цѣлое собраніе,—пояснѣлъ Антонъ Павловичъ.

Сколько я ни упрасивала его остаться, онъ остался непоколебимымъ и ушелъ.

Потомъ я узнала, что мои знакомые, заручившись моимъ обещаніемъ пригласить къ нимъ Антона Павловича, действительно созвали много гостей на этотъ день.

Приглашали

— На Антона Павловича Чехова.

Антонъ Павловичъ, очевидно, догадался и не захотѣлъ быть объектомъ наблюдений провинціальной, докучливой публики.

Вообще слава, популярность—были большими мѣстами Антона Павловича.

Онъ страдалъ отъ того, что не могъ незамѣтно пройти по улицѣ.

Стоило ему появиться на улицѣ, какъ волеждъ за нимъ несли довольно громкій шепотъ:

— Вотъ Чеховъ, вотъ Чеховъ.

Эта назойливая любопытность доводила иногда Антона Павловича до бѣшенства, несмотря на то, что вообще онъ былъ очень кротокъ.

Его часто можно было видѣть съ поднятымъ воротничкомъ и нахлобученной на лобъ шляпой.

Эго онъ прятался отъ любопытныхъ взоровъ публики.

Но скраться ему рѣдко удавалось.

Его узнавали именно по этому признаку и безцеремонно заглядывали впередъ, заглядывая ему въ лицо.

Любопытно, что многіе считали Антона Павловича грубияномъ.

— Придешь къ нему, чтобы выразить своей восторгъ передъ его талантомъ и пожать руку, а онъ окрыляется и не принимаетъ.

Прислуга сначала скажетъ, что дома, а потомъ, послѣ доклада, о томъ, кто пришелъ, выйдетъ и скажетъ:

— Баринъ прилежъ отдохнуть.

А въ прихожую слышенъ его собственный голосъ.

Вынужденъ былъ Антонъ Павловичъ поступать такъ энергично въ виду многочисленныхъ посѣтителей, являвшихся къ нему каждый день.

Незнакомыхъ онъ почти никогда не принималъ.

Зато, какъ привѣтливъ и радушенъ онъ былъ по отношенію къ своимъ старымъ знакомымъ.

Особенно онъ любилъ проводить время со своими товарищами-писателями.

Каждому изъ такихъ гостей онъ былъ чрезвычайно радъ.

Рассказываетъ ялтинская домо-

владѣлица еще одинъ любопытный фактъ.

За нѣсколько лѣтъ своего знакомства Антонъ Павловичъ никогда при ней не разговаривалъ на литературныя темы.

На эти темы онъ часто и охотно бесѣдовалъ со своими коллегами.

Съ лицами же, чуждыми литературнаго круга, онъ никогда не разговаривалъ о литературѣ.

Особенно онъ не любилъ говорить о своихъ собственныхъ произведеніяхъ.

И если кто-нибудь поднималъ на эту тему разговоръ, онъ немедленно переводилъ его на другую тему.

Въ разговорѣ Антонъ Павловичъ никогда не старался острить или смѣшить.

Говорилъ онъ очень мало.

Зато слушалъ онъ собесѣдника чрезвычайно внимательно.

Жилъ Антонъ Павловичъ очень скромно.

И это несмотря на то, что онъ могъ бы зарабатывать гораздо больше денегъ.

Но этого, впрочемъ, уже давно установленный фактъ.

Антонъ Павловичъ очень любилъ молодежь.

Его часто можно было видѣть окруженнымъ цѣлой ватагой подростковъ.

Онъ старался входить въ кругъ ихъ интересовъ и быть съ ними на равной ногѣ.

Зато онъ сразу охлаждалъ къ аккомпанирующимъ дѣвицамъ, которыя смотрѣли на него широко открытыми глазами, какъ на знаменитость.

Очень не любилъ Антонъ Павловичъ раздачи автографовъ и фотографій на память.

— Что я цѣрковой клоузы, который раздастъ передъ своимъ бенефисомъ почтеннѣйшей публикѣ свои карточки?...

М. Соломинъ.